

ДОЛЖНЫ ЛИ БЫТЬ ПОЛЕЗНЫМИ ГУМАНИТАРНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ?

Вынесенный в заглавие вопрос, отчасти философский, а для кого-то, может быть, всего лишь риторический, на самом деле является названием сборника небольших, но проникновенных эссе, выпущенного в этом году издательством Корнеллского университета, того самого, возвышенное (sublime) месторасположение которого прославил в своей известной лекции Жак Деррида (см. «Отечественные записки» № 6, 2003). Авторы сборника – преподаватели различных гуманитарных отделений Корнелла – развивают, по сути, ту же тему, что и знаменитый французский философ: речь идет об оправдании дисциплин, всегда составлявших ядро университетского образования. Мы выбрали из него, на наш взгляд, два ключевых эссе. Первое из них принадлежит известному американскому теоретику истории, директору Корнеллского общества гуманитарных исследований Доминику Лакапре, автору таких книг, как «History in Transit: Experience, Identity, Critical Theory» (Cornell UP, 2004) и «Writing History, Writing Trauma» (Johns Hopkins UP, 2001). Текст его сочинения публикуется с небольшими сокращениями. Автор же второго эссе, Роуз Эллен Лесси, пока, судя по всему, не пользуется большой известностью. В сборнике о ней говорится только то, что в настоящий момент она является аспиранткой Английского отделения университета.

Доминик Лакапра

Что существенно для гуманитарных дисциплин?¹

Полезны ли гуманитарные дисциплины? Что для них существенно? Определяется ли полезностью все то, чем они являются или должны, по сути, являться?

По крайней мере у широкой публики редко возникает вопрос о полезности естественных или даже социальных наук. Скорее, вопрос может быть о том, как предотвратить определенные опасности, связанные с их использованием или злоупотреблением (взять, к примеру, создание оружия массового уничтожения или техник тотального надзора и контроля). То обстоятельство, что вопрос о полезности так повсеместно и охотно ставится в отношении гуманитарных дисциплин, можно интерпретировать как симптом некоторого

¹ Текст статьи воспроизводится по изданию: *LaCapra D. What is Essential To The Humanities*, in Lepage, P. G., Martin C., Mostafavi M. (eds.) *Do The Humanities Have to Be Useful?* // Cornell: Cornell University Press, 2006. P. 75–85.

оборонительного состояния или ощущения, что от этих дисциплин нет никакой реальной пользы, ни позитивной, ни негативной. Ответ на это заметно распространившееся суждение, кажется, достаточно очевиден: гуманитарные дисциплины в принципе не могут иметь краткосрочной пользы или приносить немедленную технологическую выгоду (хотя специалисты в области литературы и философии, конечно, находят себе работу в средствах массовой коммуникации или в юридических школах). «Польза» от гуманитарных дисциплин, скорее, непрямая или долгосрочная. Как часто говорят, они способствуют улучшению качества жизни, и тот факт, что люди, выходя на пенсию, возвращаются к изучению гуманитарных предметов, является свидетельством их центрального и вместе с тем маргинального положения в нашей культуре. В любом случае, стремление к ним, я бы сказал, это больше, чем признак их функциональности в качестве символов определенного статуса или «культурного капитала». Это также указание на их высокую оценку как компонентов значимого опыта и той жизни, которая имеет больше чем одно измерение. Действительно, сущность и роль гуманитарных дисциплин в лучшем случае превосходит размеры полезности (а также рамки утилитарной, прагматической и капиталистической референции: меновую или денежную стоимость). Гуманитарные дисциплины обращают нас к феномену дара и великодушия. Первый из них определяет значение слова «свободный», которое входит в понятие «свободные искусства», а гуманитарные дисциплины – это «свободные искусства» *par excellence*. И поскольку они превосходят границы узкопонимаемой полезности или практичности, они отнюдь не бесполезны, ибо они образуют связи, порой очень прочные связи, вместе с которыми становится хорошо думать и хорошо жить.

Можно сказать, что дух либеральности, щедрости и дара существен для гуманитарных дисциплин – существен не в каком-то догматическом или исключительном смысле (он также может характеризовать значительную часть научной работы), но в том смысле, который притязает на нечто важное и особенное, но вместе с тем постоянно открытое для спора и состязания. Последние качества можно также считать существенными для гуманитарного понимания и взаимообмена. В духе свободы и щедрости можно спорить и даже вести полемику. И, по правде сказать, умная, сведущая и вдохновенная критика – это лучший дар, чем конвенциональная и пресная похвала. Кроме того, работа над проблемой не может быть игрой или соревнованием с нулевым результатом, поскольку постоянно возобновляемая дискуссия является существенным и довольно ценным вкладом в проблему, которая не поддается окончательному решению или не обнаруживается при первом приближении. В гуманитарных дисциплинах базовые проблемы постоянно повторяются (и повторно продумываются) с некоторыми изменениями в течение времени, и даже сама темпоральность из гуманистической перспективы предстает именно как процесс повторения, идущий с вариациями и изменениями, порой с резкими,

решительными или даже травматическими изменениями. (Верно это или нет, но «современность» часто рассматривается в качестве носителя подобных травматических переломов или «шокового» опыта.)

Следует проводить решительное различие между проблемами и загадками. Загадку (или загадочную «проблему») можно решить, и ее решение будет иметь непосредственный полезный эффект (к примеру, как построить более эффективную машину или придумать более быстрый доступ к Интернету?). Загадки встречаются во всех исследованиях, включая гуманитарные (возьмем датировку документа, атрибуцию текста или идентификацию какой-нибудь отсылки или аллюзии). Однако гораздо более важны те проблемы, которые можно исследовать, прояснять или даже углублять, но нельзя решать. Если бы меня попросили в одном предложении определить то, что является существенным для гуманитаристики, я сказал бы следующее: это изучение кроссдисциплинарных проблем, которые не являются узкоутилитарными, но позволяют вступать или вносить вклад в вопрошающий и самовопрошающий процесс исследования, а также вовлекать личность в такие отношения с этим процессом и с самим прошлым, которые обещают возможное и более желательное будущее. Как нужно понимать границы «определения» того существенного и правомочного, что есть в гуманитарных дисциплинах?

Кроссдисциплинарность – это не простая междисциплинарность. Она не объединяет уже существующие дисциплины, чтобы изучать и получать лучшие ответы на уже существующие вопросы. Она исследует проблемы, которые идут вразрез с существующими дисциплинами, изучаются в них с различными акцентами и перегибами и, возможно, даже говорят о необходимости создания новых дисциплин, субдисциплин или новых институциональных единиц, таких как программы и отделения. Каковы те кроссдисциплинарные проблемы, которые можно прояснять, но нельзя решать наподобие загадок? Не претендуя на всеобъемлющий и исчерпывающий их перечень, здесь можно упомянуть проблемы насилия, виктимизации, выживания, скорби, травмы и угнетения, но также дарения (gift-giving), доверия, сопереживания, ответственности, деятельности, создания сообществ и институтов, смеха и радости и, кроме того, проблему сакральности и жертвенности. Проблема жертвенности является в особенности узловой с этической и политической точек зрения, поскольку она обычно объединяет жертвоприношение (или дарение) и виктимизацию с жертвой, понятой в качестве дара высшему существу или даже в качестве некоторого подношения, когда отсутствует вера в определенное высшее существо или личного бога. В секуляризованном контексте открытая жертвенность может исчезать, проявляясь в форме культа насилия и веры в то, что с помощью насилия (и даже виктимизации) возможно духовно обновить или искупить личность или группу людей.

Как можно разрешить такие проблемы и понять такие процессы, как травма, виктимизация, сакрализация, жертвенность, доверие,

признаваемая или вменяемая ответственность и дарение? В лучшем случае их можно прорабатывать таким образом, чтобы с большей или меньшей «пользой» расширить возможность, позволяющую подчеркнуть в них то, что может считаться желательным, и противопоставить, свести к минимуму или даже элиминировать то, что считается нежелательным. Так, в отношении жертвенности задача (следует ли ее считать гуманистической или постгуманистической, поскольку она касается не только людей, но также животных?) состоит в том, чтобы в полной мере оценить дар, противопоставляя и отделяя его от виктимизации.

Есть одна кросс-дисциплинарная проблема, которая в последнее время стала заметна особенно в связи с различными экстремальными событиями (такими как изнасилование, жестокое обращение и геноцид). Это проблема травмы. И теория травмы, ее изучение не только проходит сквозь дисциплинарные границы, существующие внутри гуманитаристики, но включает в себя естественные и социальные науки (нейрофизиологию, социальную психологию, психоанализ, психиатрию и нарративную медицину). Можно было бы сказать, что, подобно травме, наиболее существенные проблемы в гуманитаристике – как раз те, что не были присвоены ни одной из имеющихся гуманитарных дисциплин. Они часто изучаются, порой вызывая тревожные и жуткие (uncanny) эффекты, различными дисциплинами, включая и те, которые обычно не считаются гуманитарными. Это также проблемы, которые не заключены в рамках академии, но имеют влияние на публичную сферу и на общество в широком смысле.

То же самое следует сказать о специфических текстах, произведениях искусства, артефактах, а в последнее время – также о медиа, которые изучаются в гуманитаристике. Какие дисциплины «владеют» произведениями Софокла, Данте, Фрейда, Вирджинии Вульф, Феллини или Пикассо? Дисциплины могут заниматься теми или другими произведениями. Но прав ли будет тот специалист по истории искусства или в области визуальных исследований, который воспротивится дискуссии о Пикассо, если она состоится среди филологов или историков? Отличительная особенность произведений и текстов, с которыми имеют дело гуманитарии, заключается в том, что их значение не ограничивается рамками данной дисциплины. Их ценят, читают и изучают и вне академии. В самом деле, степень их присутствия в публичной сфере является показателем общей культуры, а также богатства и разнообразия той культуры, которая проявляет равный интерес к распространенным популярным и медийным формам. Связь с так называемой высокой или элитарной культурой призывает популярные медиа к ответу, делает их более живыми и привлекательными, равно как и наоборот. Как Вальтер Беньямин не был бы Вальтером Беньямином без глубокого знания традиционной высокой и поразительного понимания популярной культуры, так и Монти Пайтон или Биттлз не были бы самими собой без тесного взаимодействия между высоким и низким,

элитарным и популярным. (Нет более «хайдеггерианской» песни, которая поистине отдает должное теме «Gelassenheit»², чем «Let it be».) И элитарная культура, и массовая превращаются в нечто косное, вычурное и даже бессмысленное, когда они замыкаются в кругу собственных забот и интересов. Характерной чертой высокой культуры на протяжении веков, а не только в период модернизма и постмодернизма было ее постоянное (за редким исключением) взаимодействие с популярными культурами, включая сюда народную культуру смеха и карнавала. В этом смысле трудность заключается не в существовании «канонов». Они существуют даже в популярной культуре. Огорчительна перспектива возможной изоляции, и печален процесс канонизации, когда он преследует цели социальной и политической дискриминации.

Критерии гуманистического подхода определяются отношением к собственному прошлому, включая каноны в качестве институтов, которые помогают различными способами конституировать это прошлое. Наука может покоиться на вере, что важное для нее прошлое было без остатка поглощено настоящим. Поэтому физик, будучи физиком, может не испытывать профессиональной необходимости в чтении Ньютона или Эйнштейна, а биолог – в чтении Дарвина. <...> Гуманистическое отношение к прошлому предполагает, что оно все еще остается частью настоящего и имеет важные последствия для будущего. Отдельные стороны прошлого, его канонические тексты и артефакты вполне допустимо критиковать, но их необходимо знать, поскольку они имеют решающее значение для нынешнего исследования. Ибо в гуманитарных дисциплинах тот самый способ, который помогает читать, перечитывать и ответственно понимать артефакты прошлого, составляет процесс обучения и возобновляется в настоящем. Кроме того, отношение к прошлому, его процессам и артефактам предполагает личную вовлеченность. Наблюдатель вовлечен в объект наблюдения до такой степени, что его присутствие нельзя ограничить и легко вынести за рамки исследования (например, когда дело касается наблюдения за чрезвычайно малыми сторонами объекта). На всех этапах большого исследования сказывается присутствие этой личной вовлеченности (а в гуманитаристике небольшая, кажущаяся незначительной и легко заключаемая в скобки деталь исследования может стать местом, где происходит сдвиг по отношению к весьма важной и эмоционально нагруженной проблеме). В психоанализе отношение к другому определяется через понятие трансфера. И если отвлечься от более узкого эдипального или семейного контекста, трансфер означает, что наблюдатель или исследователь старается вынести и повторить на базовом уровне те активные процессы, которые обнаруживает в других людях, ставших объектом его или ее исследования. Так, например, исследователь холокоста сталкивается с проблемой

² «Отрешенность» (нем.) – одно из центральных понятий философии Мартина Хайдеггера, а также название его работы, опубликованной в 1959 г. – *Примеч. пер.*

трансфера уже на уровне выбора терминологии, ибо в эмоционально и ценностно нагруженных областях исследования нет нейтральных или безобидных терминов. Если вы употребляете слово «холокост», значит, вы имеете дело с семантикой жертвенности, поскольку этимологически оно отсылает к всесожжению. Если вы прибегаете к «окончательному решению», то, значит, вы повторяете нацистскую терминологию, и использование предупредительных кавычек – необходимая мера предосторожности, которую часто игнорируют или неверно истолковывают. «Шоа» свидетельствует о роли медиа в современной культуре, поскольку это слово не имело широкого употребления до того, как в середине 80-х не появился фильм Клода Ланцманна, и тем, кто не знает иврита, оно может показаться экзотичным. Даже «нацистский геноцид» (возможно, наиболее нейтральный термин), кажется, все еще закрепляет за нацистами право на геноцид и, пусть неумышленно и не прямым образом, признает их желание полностью распоряжаться евреями (включая вопрос о том, как о евреях будут помнить). Я выступаю не за то, чтобы поощрять номинализм или вызывать терминологическую сумятицу, здесь мне важно указать на необходимость аккуратных определений и на чуткость к «трансферному» вовлечению. <...>

И последнее, что хотелось бы сказать о гуманизме и о гуманитарных дисциплинах, обнаруживается там, где критическая теория встречается с щедростью и приношением даров, и там, где гуманистические формы понимания соприкасаются с иными, в том числе с научными и социально-научными формами. Неверно думать, что дар может быть только однонаправленным: от одного человека – другому. Его возможность определяется различиями внутри самой природы человека, особенно теми, которые вызваны его бытием в качестве животного – что, с определенной точки зрения, позволяет говорить о нем как о гибридном и компромиссном создании. В самом деле, горизонт гуманизма вполне может быть постгуманистическим в особом смысле этого слова. Вместе с такими ключевыми вопросами, как раса, класс, сексуальность и гендер (все они связаны с проблемами виктимизации и ее отношением к продолжительной жизнедеятельности), следует подчеркнуть роль биологических видов, которые вполне могут стать еще одним серьезным предметом для критического и самовопрошающего гуманистического подхода. Забота о видах позволяет переключиться от местечковых и эгоистических интересов к глобальным и транснациональным, к тому же она связана с широким кругом экологических проблем. По правде сказать, у гуманитарных дисциплин давно уже есть свой козел отпущения, который вновь может возникать в глобальных исследованиях, даже когда речь идет об универсальных или хотя бы об общемировых ценностях. Отличные от человека живые существа обычно выступали тем конститутивным другим, который способствовал самоопределению гуманизма и гуманитарных дисциплин. И, несмотря на временные затишья, вновь и вновь возобновлялся навязчивый поиск

основного критерия (теологического и философского камня), который решительным образом отделяет человека от других животных и вместе с тем оправдывает их «полезное» употребление. Этот ускользающий критерий, который часто служил для того, чтобы дезавуировать животное начало в человеке, принимал множество форм (творение по образу и подобию Бога, душа, дух, разум, свобода, язык и т. д. – но не способность страдать, получать травму, становиться жертвой, доверять или радоваться). Становилось все яснее, что этот критерий нельзя установить окончательно, особенно с теми несправедливыми и эксплуататорскими следствиями, с которыми он открыто или тайно постулировался. Подлинная проблема заключается не столько в эфемерности объекта этого поиска, сколько в опрометчивости самого его предприятия и в тех несправедливых, самодовольных предпосылках, о которых он свидетельствует. Это осознание, которое нельзя ограничить рамками антропоцентрически трактуемых «прав» животных, должно произвести важный сдвиг в самопонимании гуманитарных (или постгуманитарных) дисциплин, сущность и смысл которых находятся в процессе становления. И оно вновь ставит вопрос об отношении между гуманитарными, научными и социально-научными дисциплинами. Это именно то основание, на котором гуманитарные дисциплины должны быть широко переосмыслены. И благодаря этому щедрому переосмыслению другие предметы гуманитаристики должны будут получить новую, возможно, даже ранее небывалую конфигурацию. Словом, то, что существенно для гуманитарных дисциплин, сегодня может потребовать постгуманистической ориентации, которая одновременно борется с лицемерным человеческим достоинством, основанном на скрытом поиске козлов отпущения, и щедро расширяет поле своего интереса, включая в него животных и различия внутри человеческой природы.

Роуз Эллен Лесси

Практическая гуманитаристика³

Защитив диплом бакалавра, большинство наших студентов большую часть своей жизни проведут в погоне за прибылью и эффективностью. Гонясь за эффективностью, некоторые из этих студентов (или, возможно, их родителей) обеспокоятся тем, что нет никакого прока от курсов, посвященных скандинавской мифологии, тайваньскому кинематографу или латинской лирической поэзии. И во многом они правы: нет никакой выгоды, никакой прибыли и вообще ничего полезного в этой огромной неразберихе, которую представляют собой гуманитарные дисциплины.

³ Текст статьи воспроизводится по изданию: *Lessy R.E. The Practical Humanities*, in Lepage, P.G., Martin C., Mostafavi M. (eds.) *Do The Humanities Have to Be Useful?* // Cornell: Cornell University Press, 2006. P. 87–90.